

**Заключение специалиста №СЭ-08/09
(в форме рецензии)**

г. Санкт-Петербург «10» августа 2020

Время производства экспертного аналитического исследования

Исследование начато 08.08. 2020 г. в 14 часов 00 минут.

Исследование окончено 10.08. 2020 г. в 11 часов 30 минут.

Место производства экспертного аналитического исследования:

Санкт- Петербург, ул. Ярослава Гашека, д.4, к.1, кв.9

Основание производства экспертного аналитического исследования:
адвокатский запрос №РП-А3-А-1 от 08.08.2020г. адвоката Андропова Сергея Вячеславовича.

Сведения о специалисте: Дубровский Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, магистр этнологии, специалист по проведению специальных судебных экспертиз в области языка вражды и преступлений на почве ненависти, с 2004 по 2015 год – эксперт Российского этнографического музея по проведению экспертиз и исследований по статье 282 УК РФ, в настоящее время- доцент, Научно-исследовательский институт-Высшая школа экономики, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Консультант научно-методического совета ГЛЭДИС (Гильдия лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам).

Стаж экспертной работы – 13 лет, проведено более 50 специальных судебных заключений и экспертиз.

Автор ряда научных статей, в т.ч. на иностранных языках, посвященных состоянию специальной судебной экспертизы в России:

Dubrovskiy D. 2019 Academic Expertise and Anti-Extremism Litigation in Russia: Focusing on Minority Religions *The Soviet and Post-Soviet Review*. No.46. P. 211-236. (with M. Shterin)

Dubrovskij D. 2018 Russlands Kampf gegen religiösen Extremismus“ *Religion & Gesellschaft in Ost und West*. 2018.No.7/8. P.20-24.

Dubrovskiy D. 2018 Violence and the Defense of "Traditional Values" in the Russian Federation, in: *Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations, and Policy*. Report of CSIS Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies, June 2018. NY: Rowman & Littlefield Publishers, 2018. P. 93-116. (with du Quenoy I.)

Dubrovskiy D. 2016 Expert Conclusions on Verbal Extremism: a Dispute over Methods. *Baltic Worlds* BW3:2016, pp10-19.

Дубровский Д 2014 Тексты специальной прагматики (троллинг и пародия) как исследовательская проблема. *Неприкосновенный запас*, # 96 (4/2104). [[http: magazines.russ.ru/nz/2014/96/12d.html](http://magazines.russ.ru/nz/2014/96/12d.html)]

Дубровский Д, 2014 Преступления на почве ненависти по отношению к ЛГБТ: теория и реальность. СПб (в соавт. М. Козловская)

Дубровский Д. 2007 Индекс интолерантности прессы. *Язык вражды против общества*. М., Сова-центр (в соавт. с Э. Понарин, Р. Акифьева, А. Толкачева). С.72-106.

Дубровский Д. 2006 «Что с научной точки зрения понимается» Русский национализм: идеология и настроение. М., С. 122-138

Дубровский Д. 2003 Язык вражды в русскоязычном Интернете. Материалы исследования. СПб. (в соавт. Ф. Торчинский, О. Карпенко, О. Кольцова)

Исследуемый материал:

Сапрыкина О.Н., Бычкова Т.В. Заключение эксперта по материалам уголовного дела №12002200045360005 от 22.04.2020

Постановление о назначении комплексной психолого-лингвистической экспертизы от 06.04.2020 за подписью ст. лейтенанта юстиции Бичева И.Г.

В связи с запросом адвоката Андропова Сергея Вячеславовича, адвоката Адвокатского бюро «Реальное право» от №РП-А3-А-1 от 08.08.2020 необходимо оценить «Заключение эксперта» от 22.04.2020, то есть оценить соответствие представленного Заключения требованиям, предъявляемым к документам, подготовленным в рамках проведения специальных судебных исследований по статьям, связанным с призывами к экстремистской деятельности.

Использованные методические источники:

1. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В.. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).

2. Бринев К. И.. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.

3. Голев Н. Д.. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.

4. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.

5. Катышев П.А., Оленев С.В. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанных с вовлечением в

деятельность нелегальных организаций // *Acta linguistica petropolitana*, Т. XII, ч. 3. СПб, Наука, 2016, с. 406-419.

6. Кокорев В.Г. Соотношение понятий: «Терроризм» и «Экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №1 (047). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-terrorizm-i-ekstremizm> (дата обращения: 19.08.2020).

7. Кузнецов С. А., Оленников С. М.. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). — 2-е изд., испр. и доп.. — М.: Издательский дом В. Ема, 2014.

8. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А. Я. Винников, Н. М. Гиренко, О. Н. Коршунова, А. В. Леухин, Е. Б. Серова; Под общ. ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2002. 92 с

9. Понарин Э, Дубровский Д, Толкачева А, Акифьева Р Индекс (ин)толерантности прессы // Язык вражды против общества. М., 2007.

10. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. – СПб.: Питер, 2004.

11. Фролова О. Е., Щенникова Е. В.. Обиходное и правовое понимание экстремизма. // Судья, No 5, 2014 г., с. 26–29.

12. Хазимуллина Е.Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // *Acta linguistica petropolitana*, Т. XII, ч. 3. СПб, Наука, 2016. 453-469.

Общая методическая литература по проведению специальной судебной экспертизы:

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.

2. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. М, Юридический мир, 2006.

3. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.

4. Зинин А.М., Майлис Н.П.. Судебная экспертиза. Учебник. М: Право и закон. Юрайт-издат. 2002

5. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. – М.: Норма, 2004.

6. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. – М., 2003.

7. Кудрявцева А.В., Судебная экспертиза в уголовном процессе России. Челябинск, Издательство ЮУрГУ, 2001

8. Подкатилина М.Л.. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов. Под ред. Е.И. Галяшиной. М., Юрлитинформ, 2013

9. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности".

11. Россинская Е. Р, Галяшина Е. И.. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.

12. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.

13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.

14. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М., Проспект, 2012.

15. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. – М.: Амалфея, 2003.

16. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.

Настоящее исследование выполнено в форме рецензирования представленного документа «Заключение эксперта» №2808-2809/4-1 от 22.04.2020, выполненного экспертами Воронежского регионального центра судебной экспертизы Сапрыкиной О.Н., Бычковой Т.В.

По мнению специалиста (далее также рецензента), для оценки представленного на исследование документа как доказательства по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа, он представляет собой заключение экспертов, подготовленное в ответ на запрос о назначении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы следователя ОВД первого СО по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Воронежской области ст. лейтенанта юстиции Бичева И.Г.

Документ – «Заключение экспертов» - представляет собой, по мнению авторов, результаты исследования предоставленных специалистам материалов. Таким образом, перед нами заключение экспертов, подготовленное на основании обращения официального представителя государственных органов, ответственных за исполнение законов по противодействию экстремизму и терроризму, и отражающее результаты специальных исследований. Значит, речь идет об акте, который должен регулироваться специальными законодательными актами, которые регулируют судебно-экспертную деятельность, при этом в особой сфере – в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Системным документом, определяющим требования к такого рода деятельности, является

Федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

В том числе, документ определяет особые требования к документам этого рода:

принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной **компетенции**: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);

принцип объективности исследования: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания;

принцип проверяемости (верификации) выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);

принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам;

принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

С точки зрения ведущих специалистов по данному вопросу Е.Р. Россинской и Е.И. Галяшиной общие требования к полноте, объективности, всесторонности и проверяемости исследования можно свести к ответу на следующие вопросы

- исследованы ли все представленные объекты?
- использованы ли рекомендованные современной наукой и судебно-экспертной практикой методы и методики?
- даны ли аргументированные ответы на все поставленные вопросы либо дан обоснованный отказ от ответа на поставленные вопросы?
- полно и всесторонне в экспертном заключении описан ход и результаты исследования, приложен ли соответствующий иллюстративный материал? (Россинская, Галяшина, 2015, с. 195).

В то же время, закон содержит и требования по общей структуре такого исследования. Так, в статье 25 говорится, что в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;

- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью. Специальных различий в оформлении специальных судебных экспертиз и заключений специалистов не существует.

С точки зрения политических наук, понятия «экстремизм» и «терроризм» соотносятся как часть и целое: можно сказать, что терроризм является составной частью общего понятия «экстремизм», и терроризм является просто крайней формой проявления экстремизма (Кокорев, 2013, 243). Таким образом, все требования, которые предъявляются к исследованию текстов на предмет наличия признаков экстремизма, в равной степени касаются текстов, которые рассматриваются в рамках политики предотвращения терроризма.

Следовательно, рассмотрим предоставленный документ с точки зрения формальных и содержательных требований, которые предъявляются к документам подобного рода.

1. Название документа

В названии документа «Заключение эксперта» нет указания на форму проведения заключения, которое требуется в постановлении следователя: комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза. В то же время, документ назван «Заключение эксперта», при том, что в подготовке экспертизы участвовало, согласно тексту, два эксперта. Учитывая, что один из экспертов – лингвист – это вызывает вопросы относительно профессиональной компетентности филолога, подготовившего текст Заключения.

2. Требования к исследованию, подготовленному специалистами разных дисциплин

Поскольку данное исследование должно быть психолого-лингвистическое, следовательно, оно претендует на то, чтобы быть комплексным, поскольку речь идет о специалистах в двух разных областях специальных знаний. Между тем, судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, с точки зрения требований УПК РФ, должна называться **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

Согласно п.23 Постановлению Пленума Верховного суда РФ №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г.:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает только ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Следует обратить внимание, что данный текст содержит разделение на лингвистическую и психологическую часть и в этом отношении соответствует требованиям, предъявляемым к комплексной судебной экспертизе.

В конце комплексной экспертизы необходима результирующая часть, которая суммирует результаты исследований специалистов разных областей, и в целом должна быть подписана всеми специалистами, участвовавшими в проведении комплексной экспертизы. Настоящая экспертиза полностью удовлетворяет и этому требованию.

Наконец, эксперты должны быть предупреждены по ст. 307 об ответственности за дачу заведомо ложных показаний уполномоченным лицом. На с. 1 «Заключения» есть только упоминание, что эксперты

предупреждались о такой ответственности. Где, кем и когда они были предупреждены – таких сведений экспертиза не содержит.

3. Определение компетентности экспертов

Лингвист О.Н. Сапрыкина – старший государственный эксперт, указано высшее филологическое образование, научная степень отсутствует, дополнительное профессиональное образование «Исследование продуктов речевой деятельности» (диплом не приложен). Стаж экспертной работы указан с 2014 г., количество проведенных экспертиз не указано. Научных публикаций в eLibrary не найдено.

Психолог Бычкова Т.В. – старший государственный судебный эксперт, высшее психологическое образование, дополнительное профессиональное образование «Исследование психологии и психофизиологии человека», стаж экспертной работы – с 2014 г. Научных публикаций нет, научная степень отсутствует. Количество проведенных экспертиз не указано.

Таким образом, установить уровень компетентности экспертов в области проведения специальных судебных экспертиз по экстремизму, включая исследования по ст. 205.2 (оправдание терроризма) представляется возможным.

Как указывают авторы Методических рекомендаций по исследованию экстремистских текстов (к которым, как уже было сказано, относятся и тексты, предположительно оправдывающие терроризм или призывающие к нему), «..в основе профессиональной подготовки эксперта-лингвиста должны лежать знания, полученные в рамках высшего образования по филологии. Эксперт-лингвист должен обладать ...глубокими знаниями во многих отраслях филологии и общей теории судебной экспертизы, только в этом случае его заключение может быть оценено как научно-обоснованное и аргументированное» (Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010, с.32). В связи с тем, что неизвестно, в каком объеме и каким образом эксперты знакомы с теорией и практикой специальной судебной экспертизы, и особенно с методиками исследования экстремистских текстов, включая оправдание или призывы к терроризму, трудно адекватно оценить уровень их профессиональной подготовки, а также опытность в проведении, собственно, самих экспертиз, поскольку не указано, сколько экспертиз данные эксперты провели за указанный экспертный стаж.

4. Формулировка вопросов

Как обращает внимание методическая рекомендация для судей и экспертов по проведению специальной судебной экспертизы под редакцией Е. Россинской, Е. Галяшиной, сама формулировка вопросов может быть некорректной и выходящей за пределы компетенции экспертов (Россинская, Галяшина, 2015, 133).

Так, экспертам в данном случае было задано восемь вопросов, включая вопросы относительно наличия в тексте лингвистических и психологических признаков унижения человеческого достоинства, оправдания каких-нибудь действий против группы лиц, объединенных расовой, религиозной, этнической принадлежностью, исключительности или превосходства человека по признаку этнической, расовой, религиозной принадлежности. В то же время, эксперты получили вопросы относительно того, содержатся ли в текстах пользователя «Надежда Белова» признаки пропаганды и идеологии насилия (вопрос № 3), и, отдельно, «пропаганды и идеологии терроризма, побуждения, а также призывы к осуществлению террористической деятельности. И, если да, к чему конкретно призывает автор и какие именно языковые средства и формы выражения указывают на это» (вопрос № 1).

Обращает на себя внимание проблема с формулировкой вопросов № 1 и № 3. Неясно, в каком отношении между собой находятся термины «идеология насилия» и «идеология терроризма» Кроме того, оба понятия в тексте экспертизы не раскрыты, и совершенно непонятно, что же именно авторы экспертизы, напомним, специалисты в области психологии и лингвистики, считают «идеологией насилия» и «идеологией терроризма». Надо сказать, что в такой формулировке вопрос №3 относительно признаков «идеологии насилия» следует признать некорректным, поскольку, собственно, сам терроризм понимается как «идеология насилия» (в формулировке Федерального закона «О противодействии терроризму») и потому сам вопрос следует признать правовым, напрямую связанным с формулировкой указанного закона. Ответ же на правовые вопросы является типичной ошибкой в области специальной судебной экспертизы, поскольку их решение не входит в компетенцию экспертов, а является прерогативой суда.

5. Исследуемые объекты

В постановлении о назначении комплексной психолого-лингвистической экспертизы указано, что экспертам переданы на исследование следующие материалы:

1. Постановление о назначении экспертизы;
2. Копия акта проведения ОРМ «Наблюдение» интернет-ресурса vk.com/oldlentach с приложением от 02.09.2019 всего на 17 листах.
3. Копия акта экспертного исследования №7725-7726/4-5 от 14.01.2020г. на 4 листах.

Судя по тексту, эти же материалы и были исследованы в экспертизе. Однако, требование полноты исследования исследуемых материалов гласит, что эти материалы должны быть полностью описаны и охарактеризованы в экспертизе; между тем, в рецензируемом тексте описание материалов отсутствует; последовательность комментариев, их время и форма не установлены. Неизвестно, какова структура исследуемого диалога, что необходимо для верного определения коммуникативной ситуации (см. ниже).

Таким образом, предложенные для исследования материалы не описаны и не охарактеризованы полностью, что, безусловно, влияет на полноту и объективность исследования в целом.

6. Использованная методика

Методика, которая заявлена в качестве использованной для анализа предложенных фрагментов текста, это методика исследования текстов экстремистской направленности Российского Федерального центра специальной судебной экспертизы (Кукушкина, Секераж, Сафонова, 2014).

Согласно этой методике, разные компоненты анализируемого высказывания должны оценивать разные специалисты. Если лингвист, используя, в основном, методы семантики, должен определить, что сказано в тексте, то психолог – почему и для чего, собственно, в тексте что-либо говорится. Другими словами, речь идет о том, что психолог исследует установки, проявленные автором через сказанное, и те, на формирование которых у адресата направлен текст (Кукушкина, Сафонова, и Секераж 2014, 15–16). Важной особенностью при этом является то, что на последнем этапе анализа необходимо не просто механически сложить результаты, полученные разными специалистами, но провести дополнительный анализ с объяснением того, каким образом синтезирующая часть доказывает наличие или отсутствие признаков психологического и лингвистического компонента в целом. Так описан ход исследования и в настоящей экспертизе (с.4).

На с. 5 эксперты определяют вид коммуникативной ситуации, определяя ее как «массовую, опосредованную, в диалогической форме, ориентированной на ответ».

Таким образом, речь идет о диалоге, то есть, особой форме разговора, в которой важна именно вопросно-ответная структура.

Характеристика тематики высказываний, приведенная на с.6, очевидно объединяет в единый текст различные высказывания, в рамках которых одна тема обсуждается с разных сторон, прежде всего, с политической, где пользователь «Надежда Белова» высказывает критические замечания в отношении нынешнего политического режима и сотрудников ФСБ. При этом важно, что разные реплики пользователя в рамках этого текста выдернуты из диалоговой конструкции и неизвестно, ответом на какой вопрос или реплику они появляются. В методике РФЦСЭ, меж тем, напрямую указывается на необходимость установления полного контекста в случае, когда исследуются реплики диалога (Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014, с. 36).

При этом важно, как замечают авторы другой, одобренной Институтом правоведения и сравнительного законодательства при Правительстве РФ методики С.А. Кузнецова и С.Н. Оленникова, важно обратить внимание и на то, есть ли в тексте «коммуникативный процесс убеждения». Признаком такого процесса является наличие «содержательного обоснования», выраженного «целостной риторической конструкцией». Применительно к

оправданию актов терроризма речь идет о том, что в высказывании недостаточно только позитивной или негативной оценки того или иного деяния, необходимо доказать еще и наличие существенных причин (оснований) для их совершений и правильность избранного действия (Кузнецов, Оленников, 2014, с.12).

В методике РФЦСЭ, в частности, содержится диагностический комплекс ДК-4 «Оправдание действий и взглядов», в котором, в частности, определяется, какие именно лингвистические и психологические признаки оправдания терроризма следует искать в тексте высказывания. «Обычно оправдание служит средством убеждения адресата при обсуждении вопроса о том, что нужно делать. Если оправдывается собственная деятельность, то есть если автор – террорист, экстремист, который излагает свои взгляды и говорит о допустимости своих действий, то вместе с оправданием обычно имеет место и убеждение».

В ДК-4 Методики РФЦСЭ указывается, что «...оправдание служит средством убеждения адресата при обсуждении вопроса, что нужно делать...если оправдывается деятельность другого человека». В случае же, если гипотетически оправдывается деятельность другого человека, то помимо убеждения может присутствовать еще и «информирование о способе действия на примере этой деятельности» и «демонстрация солидарности с ней». Кроме того, авторы методики указывают, что частым признаком оправдания является «развернутая аргументация». В «сложных экспертных случаях» авторы методики указывают, что, действительно, когда речь идет об оправдании действий очевидных террористов, вроде Брейвика или Гитлера, то можно говорить об оправдании (Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014, с.73).

Интерпретируя следующие высказывания:

«Он в рай как мученик, а мы в Лентаче просто сдохнем»

«Началась отточка за убийства в Питере и в Керчи...»

Эксперт-лингвист утверждает, что раз «человек, осуществивший данный взрыв, описан как мученик, достойный жизни в раю», а действие преподносится как оправданное, поскольку террористическое действие было вынужденным - это является нарушением, прежде всего, методики РФЦСЭ. Дело в том, что части «спорные случаи» ДК-4 (оправдание терроризма) напрямую сказано, что в сложных случаях эксперт должен провести анализ того, что автор имел в виду, на основе анализа содержания всего текста. Дело в том, что высказывание «он в рай как мученик, а мы в Лентаче просто сдохнем» напрямую отсылает к высказыванию президента Путина "А мы как жертва агрессии, мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут"¹. Таким образом, речь идет, прежде всего, о скрытой цитате, употребленной в ироническом контексте.

¹ «Мы попадем в рай, а они просто сдохнут» Что Путин рассказал на «Валдае». РИА «Новости», 18 октября 2018 <https://ria.ru/20181018/1530999011.html>

Вторая фраза – «ответочка за убийства в Питере и Керчи». Каким-то образом эксперт-филолог понимает это как «вынужденное действие», которое «оправдывает» террористический акт. В таблице ДК-4 напрямую говорится, что оправдание – это категория анализа, то есть, «оправдание в данной ситуации». Надо отметить, что эксперт-филолог совершает неоправданное логическое действие- «ответочка» - в смысле, «ответ», «реакция» - не является «оправданием» в том смысле, в котором эксперт ему приписывает. Реакция – это исключительно действие, возникшее в результате предыдущего действия; последовательность, которую выстраивает сам говорящий, может быть и ложной, но она вовсе не обязательно «оправдывает» что-то – лишь указывает на наличие, по мнению автора, причинно-следственной связи между предыдущими событиями и террористическим актом. Другими словами, объяснение каких-либо последствий некоего деяния вовсе не обязательно является оправданием, и, тем более, в контексте критического высказывания по отношению к офицерам ФСБ, на которых автор возлагает ответственность за произошедшее.

Таким образом, оба основных высказывания пользователя «Надежда Белова», на которых эксперт-филолог делает свои выводы, как представляется, являются примером предвзятого и недостаточно профессионального (если иметь в виду неузнавание экспертом-филологом скрытой цитаты) анализа.

Что касается анализа психолога, то его задачей, следуя заявленной в качестве основной Методике РФЦСЭ, является установление «социально-психологической направленности текста», при этом важной задачей является установление в тексте высказываний, направленных на убеждение того, что «негативная оценка предмета неправильна, несправедлива, ошибочна». Тут эксперт психолог повторяет ошибочное, на наш взгляд, положение о том, что «ответственность сотрудников ФСБ» означает «оправдание» - поскольку, разумеется, поскольку, как уже говорилось, наличие каузальной связи не означает напрямую оправдание.

7. Общие замечания к исследованию: превышение порога компетентности и заведомо ложные выводы

Прежде всего, в списке вопросов, как уже указывалось, наличествует вопрос, который является правовым и в высшей степени неопределенным.

Таким образом, эксперты в своем заключении №2808-2809/4-1 от 22.04.2020 рассуждают следующим образом: раз автор комментария «оценивает Путина и современную российскую власть негативно», а человек, осуществивший взрыв, «описан как мученик, достойный жизни в раю» («он в рай как мученик»), следовательно, «действие, негативно оцениваемое обществом (взрыв)», преподносится как «оправданное в сложившейся ситуации»; автор сообщает о вынужденном характере совершенного действия («...началась ответочка», а также информирует о вознаграждении

для лица, совершившего взрыв (он в рай), то есть оценивает данное действие положительно».

Прежде всего, показательно, что эксперты описали ситуацию верно – как коммуникацию, разговор – но в анализе вообще игнорируют ответные реплики – то есть, фактически, они анализируют разговор без исследования реплик, которые получает автор, которому вручено обвинительное заключение. В то же время, в самом обвинительном заключении прямо говорится, что Надежда Белова имела в виду перефраз известной максимы В.В. Путина «Мы все попадем в рай, а они все сдохнут», и она-то имела в виду жертву, упомянутую в новости, то есть, погибшего офицера, а вовсе не предполагаемого террориста. Эту возможность – очевидную в контексте данного высказывания – эксперты не анализируют совсем, равно как и «языковые средства и формы выражения» оправдания, которые должны быть проанализированы в тексте экспертизы, но отсутствуют.

Наконец, отдельные фразы, которыми обмениваются в Лентаче пользователь «Надежда Белова» с другими пользователями, объединяются в единый текст, который почему-то рассматривается как «одно высказывание, хотя связан с разными ответами», которые авторы называют «единое информационное поле» (термин, вообще лишенный связи как с психологией, так и с лингвистикой).

Наконец, последняя – синтезирующая часть – должна заключаться в совмещении лингвистических и психологических признаков, выявленных в исследованиях экспертов – между тем, фактически это просто повторение уже сказанного, и никакого иного анализа, кроме уже проведенного.

Все это вместе – нарушение методики РФЦСЭ, на которую ссылаются авторы исследования как на свое методическое основание. В целом авторы, скорее, предлагают свое субъективное прочтение данного материала, пропуская или игнорируя предписанные методикой аналитические процедуры.

8. Общие выводы исследования

Во всех требованиях указано, что эксперты должны дать на заявленные вопросы «аргументированные выводы». В данном исследовании никаких аргументов при ответе на поставленные в Постановлении о назначении экспертизы вопросы не дается, хотя указывается, что ответы даны в тексте, что, как показывает настоящая рецензия, не вполне соответствует действительности.

9. Общие выводы рецензии

Прежде всего, проведенное исследование страдает неполнотой: материалы описаны и проанализированы не в полном объеме, и диалоговая структура текста вообще не принята во внимание (хотя и обозначена как характеристика исследуемого текста).

Методика РФЦСЭ использована некорректно, и в ряде мест эксперты прямо игнорируют предписанные методикой аналитические шаги. Наконец, принципиальные для решения вопроса выводы сделаны без учета наличия в тексте иронии в виде скрытой цитаты (Дубровский, 2014). Это помешало экспертам объективно оценить и распознать коммуникативную цель высказывания пользователя «Надежда Белова».

Таким образом, рецензируемое заключение экспертов №2808-2809/4-1 от 22.04.2020 не полностью соответствует требованиям, предъявляемым в отношении текстов комплексной судебной экспертизы в отношении полноты, достоверности и объективности, а также верифицируемости (проверяемости) по следующим основаниям:

- проведенное исследование страдает неполнотой, поскольку высказывания проанализированы выборочно, их связь с остальным текстом диалогов не установлена;

- эксперты проигнорировали требования методики РФЦСЭ, на которую ссылаются как на методическую основу для своего исследования;

- текст исследования в результате полон домыслов, не подкрепленных аналитическими процедурами; эксперты пропустили важный для понимания общего смысла высказываний контекст (скрытую цитату).

В целом, специалист в данном исследовании приходит к следующим выводам

Представленное для рецензирования «Заключение эксперта» №2808-2809/4-1 от 22.04.2020 не полностью соответствует требованиям, предъявляемым к специальным судебным документам, подготовленным в рамках проведения специальных судебных исследований по экстремизму и терроризму.

Общий анализ структуры исследования, методического обоснования и сделанных выводов позволяет уверенно утверждать, что его нужно оценить как недостоверное, необоснованное и неполное с научной точки зрения.

10.08.2020

Д.В. Дубровский, кандидат исторических наук, магистр этнологии, в 2005-2008 – заведующий отделом современной этнографии, межнациональных отношений и этнографического музееведения, Российский этнографический музей, в настоящее время - научный руководитель проекта «Amicus Curiae», научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), доцент, факультет политологии и государственного управления, НИУ - Высшая школа экономики

10082020
Санкт-Петербург

Дубровский Д.В.
Директор АНО, Ч
Борисов В.И.

ДИПЛОМ ЯВЛЯЕТСЯ ДОКУМЕНТОМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗЦА

Решение
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации
о выдаче диплома

от *19 октября 2007* № *41к/294*

Серия **ДКН** № **040908** *

г. МОСКВА

КОПИЯ
ВЕРНА

АМО. ЦНИБ
Воронцов К. М.

Решением
диссертационного совета

*Музея антропологии и этнографии имени
Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

от 15 мая 2007 г. № 3

Дубровскому Дмитрию Викторовичу

ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ

КАНДИДАТА

исторических наук

Председатель
диссертационного совета

Лицензия № 1886-Д1 от 31 января 1996 года
на право ведения образовательной деятельности
в сфере
дополнительного профессионального образования

ДИПЛОМ

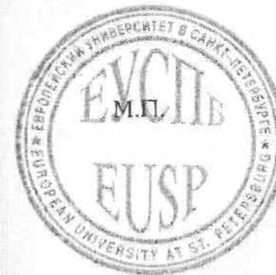
о дополнительном послевузовском образовании

Эт. № 02/96

Настоящий диплом выдан Дубровскому Дмитрию Викторовичу
(Фамилия, имя, отчество)
в том, что он с 16 сентября 1996 г. по 9 июня 1997 г.
прошел профессиональную подготовку по программе дополнительного
послевузовского образования ЕУСПб.

Решением Ученого совета
от 9 июня 1997 г. ему присвоена степень

МАГИСТРА ЭТНОЛОГИИ
Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Ректор

Ученый секретарь Совета

Регистрационный номер 01096

Диплом выдан 10 июня 1997 г.

КОПИЯ
ВЕРНА

Харитонов АНО, УИИ

Харитонов И. М.

КОПИЯ
БЕРНА

АНУ, 28 ИЮНЬ,

Копия № 11

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

ЦВ № 687742

Настоящий диплом выдан Дубровскому
Виктору Викторовичу

в том, что он в 19 91 году посетил

Санкт-Петербургский государственный
университет

и в 19 96 году окончил полный курс

набывшего

университета

по специальности

"история"

Решением Государственной экзаменационной

комиссии от 20 июня 19 96 г.

Дубровскому В.В.

подлежит регистрация

наименованием история,

специальность история,

наименованием история,

М. П. Дубровский 26 июня 19 96 г.
Регистрационный № 2181

Московская типография Гознака. 1990.

В документе прошито, пронумеровано
и скреплено печатью

17
(Семидесять) лист (в/об)
прописью

Директор АНО «ЦНСИ» В.М.Воронков

подпись

